

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

© 1991 г.

Л. М. Д р о б и ж е в а

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Осознание роли национальных чувств и интересов, так же как и истинной значимости национальных особенностей, рождается в нашем обществе в тяжелых муках. В начале перестройки в выступлениях руководителей страны и тех, кого потом стали называть архитекторами перестройки, о национальных проблемах и не упоминалось. В 1987 г. специалистам едва удавалось заставить прислушаться к себе и привлечь внимание к тому, что в нашей стране ни политические, ни экономические реформы не могут быть реализованы без учета национальных особенностей. Но уже события 1988 и 1989 годов показали, что национальные проблемы стали не только третьими (после политических и экономических), но и главными для жизни страны.

Национальные движения со всем разнообразием их требований продемонстрировали, что народы берут свою судьбу в собственные руки. Однако проблемы, связанные с этим процессом, в нашем государстве не могут быть решены без определения позиции русских. Вот почему в осознании русскими самих себя, своих реальных процессов и перспектив, заинтересованы не только они сами, но и все народы страны.

Изучая национальное самосознание русских уже два десятилетия, пытаемся приблизиться к пониманию состояния его в современный момент. Конечно, писать сейчас о национальном самосознании русских, это совсем не то, что высказывать какие-то соображения по этому поводу десять лет назад. Национальные чувства теперь у всех обострены, политизированы и практически у каждого человека сложилось свое представление о судьбе русских и их взаимодействии с другими народами. И что бы сейчас ученый или писатель ни сказал об этом, у него всегда найдутся не только сторонники, но и противники. Понимая все это, мы не берем на себя многого и надеемся дать лишь те штрихи к этническому самосознанию русских, которые, судя по литературе и прессе, не были еще замечены.

Нам уже приходилось высказываться по поводу того, что в понятие «этническое самосознание», мы включаем не только самоопределение (идентификацию), но и представления о характерных чертах своего народа (этнические автостереотипы), о его происхождении, историческом прошлом, о языке, культуре, в том числе традициях, нормах поведения — обычаях, художественной культуре. Все это можно отнести к образу «мы». Кроме того, в структуру национального самосознания входят представления о территории проживания этноса и о государственности, если таковая имеется. Все эти представления эмоционально окрашены, вызывают определенные чувства людей (гордость, любопытство, скорбь о потерянном и т. д.).

На личностном уровне мы выделяем когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы этнического самосознания. Причем особое значение придаем национальным, этническим интересам, которые рассматриваем как важный стимулятор деятельности людей¹.

В статье употребляются понятия этническое и национальное самосознание, интересы. Русские имеют свое суверенное государство и поэтому их самосознание, интересы — национальные. Но в то же время 25 млн. русских живут в СССР за пределами своей республики и, если мы хотим сказать о русских в целом (в стране да и за ее пределами) как о народе, то более точным явится понятие этническое самосознание.

При изучении темы использованы материалы газет, художественно-литературных журналов, передач радио и телевидения, записи выступлений на митингах, данные репрезентативных исследований, проведенных этносоциологами Института этнографии в 1971—72 гг., в 1979—80 гг. и 1987—88 гг. в России, Эстонии, Молдовы, Грузии, Узбекистане².

Одним из важнейших показателей роста этнического самосознания является, на наш взгляд, то, что интересы экологические, экономические, политические, культурные осознаются как национальные, этнические и остро воспринимаются людьми. Этому способствует увеличение у каждого народа доли интеллектуалов, в том числе лиц творческих профессий, ученых. Одновременно средства массовой информации в современных условиях дают возможность в короткие сроки мобилизовать и сплотить большие группы людей вокруг идей, выдвигаемых признанными лидерами.

Экстраординарное значение для роста национального самосознания имеет политическая ситуация, заинтересованность политических групп, партий, общественных движений и их лидеров в использовании национальной идеи. Годы перестройки убедили нас в этом со всей очевидностью. Именно поэтому в рассмотрении проблем, связанных с национальным, этническим самосознанием — в данном случае русских, мы считаем принципиально важным выделить идеологию, политику и личностный уровень повседневного общественно-бытового поведения.

В 70-е и в первой половине 80-х годов, т. е. до перестройки и, пожалуй в первые два — три года ее, идеология русских национально-патриотических течений развивалась в значительной, а может быть в доминирующей своей части в отрыве от массового общественного сознания. Действительно, об идеологической борьбе «Молодой гвардии» и «Нового мира» в 1969—1970 гг.³ или о шумевшей в середине 70-х дискуссии вокруг «Слова о полку Игореве» и книги О. Сулейменова «Аз и я»⁴ знала как правило, лишь часть гуманитарно мыслящей интеллигенции.

Массовое сознание русских было сравнительно спокойным, отношение (межэтнические установки) к другим народам СССР нейтральным или благожелательным. По данным наших этносоциологических исследований в РСФСР и некоторых столицах союзных республик, например, Ташкенте, Кишиневе, в 70-е годы большинство русских (свыше 80%) имели благоприятные межэтнические установки. Менее уютно они чувствовали себя скажем в Таллинне, ощущали конкурентность в Тбилиси, и здесь межэтнические установки у них были хуже, но все же об обострении самосознания у русских для того времени говорить не приходится. Даже среди русской интеллигенции, группы, находившейся в наиболее конкурентных условиях, как правило, не менее 70% имели благоприятные межэтнические установки.

В своей этнической среде или живя среди других народов, русские, так же как и другие национальности, идентифицировали себя чаще всего по языку (как в Саратове, так и в Тбилиси или Кишиневе ²/₃ опрошенных русских считали, что их роднит со своим народом язык), далее по значимости шли общие со своим народом традиции, обычаи (второе место), профессиональная культура (третье место), затем сходные черты характера и общность исторической судьбы — историческое прошлое (четвертое — пятое место в разных массивах опрошенных), место жительства, внешность (шестое — седьмое место).

Лишь в Москве, судя по опросам конца 1987 — начала 1988 года, наблюдалось некоторое своеобразие в ранжировании признаков идентификации. Здесь

доля людей, назвавших такие признаки идентификации как язык, обычаи, обряды и черты характера, была практически одинакова.

Вместе с тем при сходстве в ранжировании признаков, по которым идентифицировали себя русские, объем их наполнения и содержание различались в зависимости от места проживания. Например, русские в России на территорию э как объединяющий признак указывали в два — три раза чаще, чем на другие признаки; чаще называли и обычаи, обряды (например, в Саратове — 44% респондентов, в Тбилиси — 33%).

В Москве, Ташкенте и Таллинне (опрос 1987—88 гг. проходил в этих городах) русские считали себя прежде всего народом добрым (на эту черту указали как на характерную 70—75% респондентов), гостеприимным (до 50% ответов), стойким (46% назвали эту черту в Москве, 59% — в Ташкенте). Далее по частоте упоминаемых характеристик были трудолюбие и бескорыстие (каждое из этих качеств назвали более трети опрошенных).

Русские не так часто называли такие свои качества как деловитость и одаренность. Впрочем, последнюю черту они относительно редко приписывали и другим, в то время как деловитость применительно к эстонцам (в Таллинне) или армянам (в Москве) называли чаще, чем по отношению к себе.

Историческая память в массовом сознании русских не была тогда остро актуализирована, а это тоже характерный признак относительно спокойного состояния этнического самосознания. Интерес к книгам по истории своего народа у грузин и узбеков был на одном из первых мест среди других литературных жанров, а у русских отступал на четвертое место. (Правда у них был высок интерес к литературе о второй мировой войне.)

Обращало на себя внимание и то, что доля людей, называвших какой-то признак, который роднит его со своим народом, например, язык или обычаи, у русских обычно была ниже, чем скажем у грузин, у которых эти признаки называли 70—80% респондентов. Примечательно, что при свободном интервьюировании в Москве в* 1988 г. около 1/4 русских затруднялись или не хотели сказать о том, что их роднит со своим народом, а иногда говорили, что это какие-то трудноуловимые чувства.

Вместе с тем, державное сознание имело место у русских и до теперешней вспышки национальных движений. Оно было заметно не только на идеологическом уровне и в политике, но и в представлениях широких масс. Отвечая на вопрос о том, что они считают родиной, 80% грузин и узбеков в конце 70-х — начале 80-х годов называли республику, где они живут, т. е. Грузию, Узбекистан. Русские же независимо от места проживания (Москва или Кишинев, Ташкент) в большинстве случаев (70% и более) называли родиной весь Союз. (Лишь в Таллинне 53% называли СССР и 25% считали родиной Эстонию). Это державное сознание в условиях перестройки, ознаменовавшейся взрывом национальных чувств сначала у нерусских народов, для русских стало опорной точкой массового национального самосознания (представления о своей территории, родине).

Взрыв национального самосознания у русских можно было спрогнозировать еще до перестройки, и нам об этом приходилось писать⁵. Уже во второй половине 70-х, а особенно в 80-е годы русские почувствовали изменения во взаимоотношениях с другими народами страны. Эти изменения были связаны, на наш взгляд, с двумя важнейшими обстоятельствами.

Во-первых, по крайней мере со второй половины 70-х годов русские контактировали с нациями, все больше осознававшими себя равными с ними партнерами. Несмотря на ущерб, нанесенный сталинско-брежневским режимом советским народам, развитие их шло, абсолютное большинство населения¹ в республиках стало образованным, были созданы значительные отряды интеллигенции, способные выражать национальные интересы.

Русские — одна из самых урбанизированных наций в стране. 77% занятого населения проживало в городах, 33%, по переписи 1979 г., были работниками

умственного труда (в целом по стране 29,5%). Но и другие народы изменили свой облик. В 1970 г. у четырех, а в 1979 г. уже у девяти наций союзных республик (русских, украинцев, белорусов, армян, грузин, эстонцев, латышей, литовцев, казахов) работники преимущественно умственного труда составляли более четверти занятого населения⁶.

Особенно важно, что у народов сформировалась своя научная, в том числе научно-техническая и производственная интеллигенция, т. е. та, которой практически не было или же было очень мало в предвоенные годы; численно увеличилась художественно-творческая, научно-гуманитарная интеллигенция, наиболее активно выражающая национальные интересы.

Такая ситуация, когда меняются социально-статусные позиции контактирующих этнических общностей, во всем мире приводила к обострению национальных противоречий. Достаточно вспомнить англо- и франко-канадцев, валлонов и фламандцев. Когда одни этнические общности догоняют по экономическому положению, социальному статусу, уровню культуры другие, в прошлом более развитые, у первых возникают новые потребности, у вторых — опасение за прежний статус. Такой была социальная ситуация и в Союзе с той лишь разницей, что в других развитых урбанизированных странах она отмечалась раньше — в конце 60-х — начале 70-х годов.

Во-вторых, недовольство ухудшением экономического положения в республиках и общей политической и морально-нравственной обстановкой (что особенно ощущалось во второй половине 1970 — начале 1980-х гг.) проецировалось на Центр, который ассоциировался с русскими. Поэтому, естественно, было ждать ответной реакции русских. Ведь сами они также страдали и не меньше, если не больше остальных от всех бед командно-административной системы.

События, связанные с перестройкой, внесли два принципиально новых момента в процесс развития русского национального самосознания. Первый — небывалый подъем национальных движений и межэтнические конфликты в республиках Прибалтики, Молдове, Грузии, обвинения в адрес русских в связи с нерешенностью армяно-азербайджанского конфликта, движения за суверенитет на Украине, в Белоруссии, наконец, движение сначала за расширение прав в автономных республиках, а затем за союзно-республиканский статус в Абхазии, Татарии, Башкирии, Якутии, с 1990 г. — Тувы, Бурятии, Карелии, Удмуртии. Все это создавало атмосферу, в которой у русских появились оборонительные, защитные, а затем в определенных кругах наступательные настроения.

В связи с этим можно рассматривать стремление русских консолидироваться и прежде всего снять с себя обвинение, адресованное Центру и командно-административной системе. Отметим, что национальные движения на местах вызвали ситуацию психологического заражения среди русских, и часть их стала применять тактику «зеркального отражения» (создание интерфронтов, объединенных советов трудовых коллективов). Все это происходило в условиях фрустрации и высокого эмоционального накала.

Образ «оккупантов», мигрантов «перекати поле», обсуждение в республиках законов о государственном языке, о гражданстве не только задевали интересы и национальные чувства русских, проживающих в республиках, но и вызывали реакцию консолидации среди русских в самой России.

Другой момент, связанный с перестройкой и кардинально влияющий на национальное самосознание русских, — это обострение социально-политической конфронтации в стране и в самой Российской Федерации. И те, кто хотел бы повести ее самобытным путем, и те, кто хочет сохранить жизнь в Союзе в прежнем виде, так же как и те, кто стремится к решительным переменам в экономике и политической жизни, чтобы завоевать большинство в стране, должны были обратиться к национальным чувствам, использовать национально-патриотические настроения русских.

Кто же завоеует русское большинство? От этого зависит судьба не только

самих русских, но и судьба перестройки, а значит, в какой-то мере, и жизнь мирового сообщества.

На первых шагах перестройки, практически до 1989 г., идеология и политика как команды М. С. Горбачева, так и леводемократического фланга (Московская трибуна, затем Межрегиональная депутатская группа и др.) не были ориентированы, за редким исключением, на использование национальных идей. Либерально настроенная интеллигенция стремилась демократизировать общество. В массе своей русские — работники физического труда и служащие жили ожиданием экономических перемен и нравственного очищения.

Русское национально-патриотическое направление в идеологической сфере действовало как бы параллельно, хотя, видимо, не без надежды стать оплотом правительства и лидером масс.

И в этом была одна из особенностей России. Ведь у наций союзных и автономных республик практически все общественные движения в той или иной форме поднимали вопросы национально-политические — проблемы суверенитета, экономической самостоятельности, приоритета национальной культуры, языка, переоценки исторических событий, задевающих национальное достоинство.

Часть этих вопросов для русских в начале перестройки стояла по-другому. Например, проблема политического суверенитета сначала не ставилась, речь шла только о создании своей Академии наук, своей столицы, Компартии РСФСР. Поднимался вопрос о том, чтобы снять с русских ответственность за деятельность центральных ведомств. Общественные инициативы русских, также как идеологические течения русского патриотического направления чаще концентрировали внимание на экологии, возвращении культурного наследия, проблемах исторической памяти.

Экологии культуры — сохранению историко-архитектурных памятников, восстановлению традиций городской жизни посвящали свою деятельность московские группы — «Преображенцы», «Слобода», «Памятники Отечества», Ленинградское «Спасение». Преступному отношению к русским историческим памятникам противопоставлялась деятельность эстонцев по реставрации 1277 старых зданий в Таллинне, забота грузин о старинных кварталах в Тбилиси.

Обращение к исторической памяти, к ценностям прошлого было нацелено на то, чтобы поднять национальные, патриотические чувства русских.

Книги В. Астафьева («Царь-рыба», «Печальный детектив»), В. Иванова («Русь изначальная», «Русь великая»), П. Проскурина («Судьба», «Имя твое»), В. Распутина («Пожар» и др.), В. Чивилихина («Память»), написанные до перестройки, в конце 80-х годов привлекли особое внимание общественности⁷, литературной критики, телевидения, съездов общественных организаций — Союза писателей, кинематографистов и др. «Неглупые головы понимают, — что уничтожить целый народ, тем более такой как русский, ныне невозможно. Но стоит попытаться сломить его, уничтожив сам дух нации, обезличив культуру. Это достижимо, если превратить народ в толпу, во „внеисторическое быдло“» — писал в журнале «Наш современник» М. Дунаев⁸. В. Распутин в 1987 г. говорил: «Есть люди, которым очень не нравится опаматованная Россия. Поэтому слова „память“ и „патриотизм“ они готовы сделать ругательными»⁹.

Русскому народу при административной системе долгое время отводили роль орудия в реализации интересов руководителей этой системы. Осознание русскими собственных интересов могло им помешать. Как писал Г. Х. Попов в журнале «Знамя», отказ от многих ценностей русской культуры понадобился для того, чтобы освободить русских от своей памяти. «Человек, освобожденный от своего прошлого, больше пригоден для директивных, командных форм руководства другими народами... На русский народ легла главная тяжесть административной системы, и его прошлое больше всего пострадало»¹⁰.

Интервью это было опубликовано в связи с тем, что все более шумной Становилась деятельность неформального объединения «Память», которое приобрело печальную известность поисками врагов в лице «жидомасонского заговора» и способствовало разжиганию антисемитских настроений. Против «Памяти», как известно, выступили газеты «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Известия», «Московские новости», многие журналы. И надо отметить, что на всех крупных московских предвыборных митингах и демонстрациях весной 1990 г. группа «Памяти» не собирала и сотни человек и оставалась в изоляции (в колоннах, как правило, между ней и остальными демонстрантами образовывались пустоты). Газеты «Памяти», листовки чаще всего распространяются на улицах без громкой рекламы, нередко как бы скрытно. Это, конечно, не означает, что некоторые псевдопатриотические идеи «Памяти» не разделяют более широкие круги населения, что более явно проявлялось в Ленинграде, где собрания их сторонников были многочисленнее и агрессивнее. Во время выборов весной 1990 г. в Ленинграде за кандидатов, вышедших на выборы с идеями «Памяти», проголосовало всего 2—3% избирателей. Но все же это немалое число людей.

В Москве, по данным Центра прикладных социологических исследований, в декабре 1989 года (телефонный опрос 900 человек) лица, ориентированные на борьбу с «инородцами» и «космополитами», на самобытность России, составляли 5% ».

Таким образом, до выборов в российский парламент в либеральных и леворадикальных кругах демократического направления у русских национальные идеи еще не были взяты на вооружение, а в национально-патриотическом направлении общественной мысли наблюдалась активизация. Праворадикальное крыло «Памяти», которое по сути было псевдопатриотическим и псевдонациональным, эксплуатировало мысли идеологов национально-патриотического направления, акцентируя внимание на поисках врагов. И хотя его ряды не были велики, оно способствовало разжиганию межнациональной розни.

К тому времени в русском патриотическом направлении имелись и более серьезные для будущей России идеологемы, чем уже упоминавшиеся. Мы имеем в виду защиту идей своеобразия русского пути развития — невозможности перенесения на Российскую почву западных образцов экономики, наконец, опору на национальный русский патриотизм как единственную спасительную, стимулирующую силу .

Эти идеи противопоставлялись либерально-демократическим настроениям. Все они обсуждались в журналах «Наш современник» (тираж его с 1987 вырос вдвое) и «Молодая гвардия», в «Литературной России». Дискуссия с ними шла в «Новом мире», «Знамени», «Огоньке». Однако на политической жизни эти идеологические споры до 1989 г. практически не отражались. А широкие слои публики, как показывали опросы в конце 1987 — начале 1988 г., даже в Москве, где политизация масс была более высокой, чаще всего об этих спорах даже не знали. Правда, историческое самосознание русских активизировалось, что нашло отражение в заботе об исторических памятниках. Почти половина москвичей, по результатам опросов этносоциологов Института этнографии АН СССР (выборка в 2 тыс. единиц наблюдения на основе избирательных списков), считала, что на восстановление этих памятников нужно выделять средства, несмотря на жизненно важные нужды медицины и жилищного строительства.

Симптомы использования русских патриотических настроений в политической жизни появились во время выборов народных депутатов СССР в конце зимы — весной 1989 г. На предвыборных митингах в Москве, Ленинграде, Свердловске и Нижнем Новгороде можно было слышать призывы: «голосуйте за него (называлось конкретное лицо), он—русский человек». С середины 1989 г. и тем более в 1990 г. стало очевидно, что демократизация без использования национальных идей и для русских будет непройденной дорогой.

Как известно, в России клубы, союзы, народные фронты в поддержку перестройки, за углубление и эффективность проводимых реформ появились в 1987 г. и особенно активно формировались в 1988 г. К концу 1989 г. организаций такого типа было около пятидесяти — в Москве, Ленинграде, Ярославле, Куйбышеве, Свердловске, Омске, Челябинске, Нижнем Новгороде и других городах. В своих идеологических и политических ориентациях они не были едиными, а национально-патриотические идеи (как в Прибалтике или Армении) их на первых этапах не сплачивали. До октября 1989 г. не удавалось создать общероссийский Народный фронт. И вот в конце 1989 г. в канун подготовки к выборам народных депутатов РСФСР была создана Конфедерация народных фронтов и демократических движений России. И с этого времени уже идея спасения России стала существенным аргументом в предвыборной борьбе.

Действовали неформальные организации русского патриотического направления «Отечество», «Россия молодая», «Невская битва», «Российское общество справедливости» (РОС), «Товарищество русских художников», «Россы» (Ленинград), пять течений «Памяти» и др.

Национально-патриотическое направление не было идеологически единым. Оно включало и объединения, ориентированные на возрождение культуры, нравственности русского народа. Так, с марта 1989 г. начала действовать национально-патриотическая федерация — «Союз духовного возрождения Отечества», включившая в себя объединения Москвы, Ленинграда, Поволжья, Урала, Сибири, Белоруссии, Украины, Казахстана, представителей русской православной церкви. Федерация высказалась за поддержку перестройки на социалистических началах. К историко-патриотическим объединениям можно отнести «Русское знамя», борющееся за восстановление символов России — флагов, гербов, названий городов, правды о «подлинных героях Отечества и их делах», создание Российской академии наук.

В преддверии выборов народных депутатов РСФСР и местных советов по инициативе «Товарищества русских художников» (Москва) был создан Объединенный Совет России (ОСР), в который вошли Российские патриотические и культурно-просветительные организации, клубы, общества, фонды, фронты, в том числе интердвижения Прибалтийских республик, Молдовы¹³.

В конце 1989 г. и в 1990 г. в национально-патриотическом направлении к прежним идеям — об особом пути русского народа, ущербе, нанесенного его культуре, демографическому потенциалу, экологии и хозяйству¹⁴ добавились новые: о суверенитете, хозяйственной и культурной самостоятельности, восстановлении наименования «великороссы»¹⁵ и даже сепаратизме¹⁶. Активно развивалась тема защиты русских в республиках («Ни один волос с русской головы не должен упасть, ни одна слеза не должна пролиться. Русское население не будет использовано в качестве заложников в национальных и политических играх»¹⁷) и, наконец, идея поддержки армии как защитницы государственности России¹⁸. Многие эти идеи были выражены в «Письме писателей России в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР, ЦК КПСС»¹⁹.

1,5 млн. общего тиража имеют официальные издания русского патриотического направления. Как считают сами представители этого направления им противостоят издания на русском языке, выходящие тиражом 60 млн.²⁰. Но важно и другое. Кроме изданий русского патриотического направления национальные чувства и умонастроения русских выражают российски ориентированные каналы массовой информации. Для примера приведем результаты контент-анализа газеты «Советская Россия». Частота употребления термина «русский патриотизм» в конце 80-х годов в сравнении с 1957—1958 годами, по подсчетам В. К. Мальковой, выросла в газете в 5 раз, а количество публикаций о русской литературе, музыке, живописи — в 2—3 раза.

На Центральном телевидении создан специальный российский канал. - России передан довольно популярный журнал «Родина». Таким образом, идеологическое влияние русских национальных идей к весне 1990 г. заметно расширилось.

Роль русских национально-патриотических идей в политической жизни страны была учтена М. С. Горбачевым. Не случайно в Президентский Совет он ввел В. Распутина. На съездах народных депутатов СССР и в Верховном Совете СССР были замечены выступления В. Распутина (с призывом выхода России из СССР) и В. Белова. И хотя русская национальная идея в интерпретации патриотического направления общественной мысли широкой популярности в массах летом — осенью 1989 г. не завоевала, в целом национальные чувства, особенно в связи с вскрывшимися пороками прошлого, недопустимыми условиями жизни достигли того предела, за которым могли последовать популистские взрывы. И в этот момент произошел кардинальный поворот в использовании идей российского патриотизма.

Во время подготовки и проведения выборов народных депутатов РСФСР и на съезде народных депутатов РСФСР в мае 1990 г. радикально-демократическое направление использовало наиболее популярные идеи национально-патриотического движения. Впрочем это были идеи, про которые можно сказать, что они «стучались в дверь».

Идею российского суверенитета активно использовал в своих предвыборных выступлениях Б. Н. Ельцин. В интервью «Литературной газете» (24 января 1990 г.) он сказал: «Большее внимание надо уделить русскому населению. И это не шовинизм, а необходимое условие для национального возрождения». Во время поездки по РСФСР летом 1990 г. Б. Н. Ельцин говорил: «Так жить нельзя. 70 млрд. рублей уходит из России. Куда?» (Караганда, 18 августа 1990 г., передача «Время»). Идеи об ущербе, нанесенном русским тоталитарной системой, репрессиях в отношении интеллигенции и крестьянства использовали и другие депутаты радикально-демократического направления. Российские идеологемы, очищенные от поисков врага и особого пути в мировом сообществе, сработали в этот момент на радикальные демократические силы. Идеи национального возрождения стали осознаваться как неизбежность. «Выбора нет: либо шовинизм—либо национальное возрождение»²¹. Впоследствии более четко прослеживается стремление разделить национальное и имперское сознание (как говорят А. Стреляный и А. Латынина) применительно к русским²². Таким образом, в идеологии произошла конвергенция.

И лидеры центрального аппарата КПСС стали обращаться к национальному патриотизму как спасительной палочке в трудные времена социального и политического разобщения. Вполне отчетливо это прозвучало в речи В. А. Медведева на XXVIII съезде КПСС: «Самое главное сегодня — вернуть поколебленное доверие людей к перестройке... для этого она должна шире опереться на глубинные патриотические чувства народа, быть одухотворена идеей национального возрождения»²³.

А в 1988 г. в статье «К какому храму мы ищем дорогу» А. Кузьмин писал в журнале «Наш современник» (1988, № 3, с. 155): «Патриотизм был единственной стимулирующей силой, позволяющей приблизить к социалистическому строительству подавляющее большинство трудящихся и интеллигенции». Впрочем идеи национального патриотизма давно активно использовались и в республиках — в программе Народных фронтов в Эстонии, Литве, Латвии, Молдове, «Руха» на Украине, политическими течениями в Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане. И в России национальные идеи (прежде всего идея суверенитета) на начало лета 1990 г. радикализировали политическую ситуацию. На съезде народных депутатов РСФСР при обсуждении Декларации о суверенитете России за приоритет республиканских законов над союзными высказалось около 30 депутатов и еще больше — за экономический суверенитет, хозяйственную самостоятельность. За пункт о приоритете республиканских законов и праве распоряжаться ресурсами проголосовало большинство делегатов. А ведь Россия повторила то, за что Президиум Верховного Совета СССР всего два года назад осудил прибалтийские республики, за что Центр критиковал Грузию, Молдову, Азербайджан. Принятие Декларации о суверенитете

России хотя и в урезанном и сглаженном виде имело принципиальное значение. Оно означало, что вся система отношений между республиками и Центром может быть изменена. В основу взаимосвязей могут быть положены не только, условно говоря, вертикальные соглашения: центр — республики, но и горизонтальные, которые станут, возможно, более важными и прочными, поскольку будут основаны на свободном выборе и прямом интересе.

Такие соглашения, как известно, были подготовлены и заключены уже летом и осенью 1990 г. между Российской Федерацией и республиками Прибалтики, Казахстаном, Украиной, Грузией, Азербайджаном и др.; между Азербайджаном и Белоруссией, Азербайджаном и Грузией, Молдовой и Латвией и др. Одни считают, что провозглашение суверенитета Россией стимулировало распад Союза, другие надеются, что прямые межреспубликанские связи смогут спаять страну на новой основе.

Однако, это лишь одно направление в политике. Другое связано с попытками использовать национально-патриотические настроения силами, сдерживающими перемены.

Противники изменений в госаппарате, в компартии, в армии стараются использовать национальные чувства, а порой и предубеждения населения, оказавшегося в трудном экономическом положении и не готового к политическому плюрализму, и эксплуатировать национальные идеи в своих политических целях. Инициативный съезд коммунистов России в Ленинграде, затем съезд компартии РСФСР, пожалуй, знаменовали этап, когда часть русского патриотического направления, не приемлющая западных образцов в экономике, и часть КПСС по ряду позиций объединились.

Недавно созданная Республиканская народная партия России в национальном разделе своей программы заявила, что она выступает «за свободу национальной жизни, поддерживая сотрудничество и равноправный диалог всех населяющих страну народов, решительно выступая против всякого насилия, шовинизма, национальной нетерпимости», но одновременно заявила о восстановлении «разрушенной в 1917 году русской государственности», о праве русского народа на самостоятельную государственность в пределах РСФСР, против сепаратизма внутри России, за создание национальных школ, театров, ... средств массовой информации²⁴. Поскольку и школы, и театры, и тем более радио и телевидение работают на русском языке, такие заявления можно оценить только как несовместимые с идеями равноправия и равных возможностей людей всех национальностей. Может быть, это было ответом на подобные акции в республиках, но и в том, и в другом случае такая политика ущемляет права национальных меньшинств.

В ряде городов группы русского патриотического направления действуют совместно с Объединенным фронтом трудящихся (ОФТ) в защиту прав русскоязычного населения в республиках. Ведь интерфронты и ОФТ очень близки по своим политическим ориентациям.

Таким образом, если в идеологии, в связи с развитием самосознания русских, происходила конвергенция, то в политике к осени 1990 г. характерной стала конфронтация. В ближайшее время можно ожидать возрастания противостояния части Компартии, не принимающей наиболее радикальных идей программы Шаталина, и русского псевдопатриотического направления с одной стороны, и движения «Демократическая Россия», которое будет пытаться радикализировать ситуацию в стране — с другой. Трудно давшаяся победа сил политического Центра на XXVIII съезде КПСС не снимет этого противостояния.

Причины, повлиявшие на обострение национального самосознания русских, о которых мы говорили в начале статьи, усложнение политической ситуации и дальнейшее ухудшение экономического положения отразились на межэтнических установках русских и сказываются в их повседневном поведении.

Экспертные оценки и результаты локальных исследований в конце 80-х годов показывали, что межнациональные установки русских ухудшались не только в

республиках (в Эстонии, Литве так считали 90% русских), но и в России. Этносоциологические исследования начала и середины 70-х годов фиксировали в российских районах наличие негативных межэтнических установок на деловые или внутрисемейные контакты не более чем у 10—20% русских, а людей, не желающих никаких межнациональных контактов, не более чем 2—8%. При этом наиболее высокие показатели были характерны для части неквалифицированных, малообразованных, малоадаптированных к городским условиям жизни групп. На деловое общение относительно большая доля негативных установок приходилась на группы гуманитарной интеллигенции крупных городов (например, в Ленинграде, Москве). По опросам же и экспертным оценкам конца 1980-х годов, доля русских с этническими предубеждениями возросла не менее, чем в 1,5—2 раза. В России чувствовались антисемитские настроения. Опросы, проведенные советско-американской группой социологов в 1990 г., показали, что такие настроения имеют место у $\frac{1}{5}$ части москвичей и ленинградцев, отмечались такие настроения и в Белоруссии.

Есть в России и антиазербайджанские, антиармянские настроения в связи с притоком беженцев и использованием русских солдат в зонах межнациональных конфликтов. В ряде районов — в Якутии, Бурятии, Туве возникло напряжение в отношениях русских с нациями, дающими название республикам. В Туве, например, социологические опросы показали, что более половины русского населения ощущает национальное напряжение, причем такого уровня, что люди готовы к миграции в русские районы России². Можно сказать, что возросла группа русских, у которых, может быть, и нет устойчивых негативных этнических установок, но есть настороженность по отношению к людям иных национальностей. И, естественно, у них актуализируется собственное национальное самосознание.

Уровень актуализации национального самосознания, степень напряженности и даже враждебности межнациональных установок у русских, так же как у других народов, существенно различается по регионам в зависимости от конфликтности ситуации межнациональных взаимодействий, от этнического состава непосредственного окружения на работе и в непрофессиональной сфере общения. В целом прослеживается общая, довольно понятная закономерность — чем ближе и острее новая социально-политическая ситуация в республиках и законы в этнической сфере (о государственных языках, введении новой символики, о гражданстве в республиках и др.) затрагивают конкретные группы людей, тем более непримиримо они начинают относиться к требованиям другой нации. В Эстонии, например, наиболее болезненно реагировали на введение закона о государственном языке те русские, которые должны будут обязательно изучить эстонский, чтобы сохранить свои должности. И вместе с тем, русские в большинстве своем вопреки призывам Интерфронта не бойкотировали выборы в Верховный Совет республики.

В период политических бурь и экономических кризисов национальные предубеждения всегда нарастают. Только стабилизация политической и экономической ситуации при сохранении демократии дает возможность гармонизировать и межэтнические отношения. Но, видимо, теперь это произойдет уже не в ближайшие годы.

Наши соображения, высказанные в статье, естественно, не исчерпывают темы. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что многие острые сюжеты лишь затронуты в связи с рассмотрением основной темы — соотношения идеологического уровня этнического самосознания и уровня практического, в том числе повседневного поведения людей. И, понятно, в одной небольшой статье, посвященной конкретной теме, нет возможности раскрыть все животрепещущие актуальные проблемы жизни русского народа, которые вызывают сейчас и живой интерес, и горячие споры.

Примечания

- ¹ См. Дробижьева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Сов. этнография. 1985. № 5; Арутюнян Ю. В., Дробижьева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 258—259.
- ² О принципах выборки см. Арутюнян Ю. В., Дробижьева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 111—122. Повторные исследования проводились на основе тех же принципов. Автор является участником исследования, разрабатывающим тему этнического самосознания.
- ³ См. Молодая гвардия. 1970. № 8; Огонек. 1969. № 30; Литературная Россия. 1969, 1 августа; Советская Россия. 1969, 3 августа; Литературная газета. 1969, 27 августа; Новый мир. 1969. № 7; Коммунист. 1970. № 15 и др.
- ⁴ Звезда. 1976. № 6; Молодая гвардия. 1975. № 10.
- ⁵ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 364; Механизм торможения. М., 1988. С. 209; На пороге кризиса. М., 1990. С. 369.
- ⁶ Социально-культурный облик советских наций. С. 64.
- ⁷ Изучение И. Снежковой читательского спроса в Москве показало, что на «Печальный детектив» Виктора Астафьева очередь в районных библиотеках Москвы была более 100 чел., так же как и на «Зубр» Даниила Гранина — наиболее популярное в начале второй половины 1980-х гг. произведение.
- ⁸ Дунаев М. Роковая музыка // Наш современник. 1988. № 1. С. 163, 164.
- ⁹ Распутин В. Жертвовать собой для правды // Наш современник. 1987. № 2. С. 171.
- ¹⁰ Память и «Память» // Знамя. 1988. № 1. С. 193.
- ¹¹ Аргументы и факты. 1990. № 7. С. 6.
- ¹² Кузьмин А. К какому храму мы ищем дорогу // Наш современник. 1988. № 3.
- ¹³ Неформальная Россия. М., 1990. С. 307.
- ¹⁴ Наш современник. 1990. № 1. С. 168—176; № 2. С. 9, 11; № 3. С. 88; № 4. С. 140 и др.
- ¹⁵ См. Гулыга А. Русский вопрос // Наш современник. 1990. № 1. С. 168, 176.
- ¹⁶ «Русский сепаратизм...» считает: «Цель России — Россия!...» «Пора сбросить с себя кусающих, неблагодарных соседей, вырваться из их урчащего клубка и остаться одним». (А. Проханов. Заметки консерватора. // Наш современник. 1990. № 5. С. 90).
- ¹⁷ Там же. С. 91.
- ¹⁸ Там же. С. 98. К. Раиш. Армия и культура // Наш современник. 1990. № 5. С. 103.
- ¹⁹ Литературная Россия. 1990. № 9; Письмо напечатано в журн. «Наш современник». 1990. № 4; в газ. «Память». 1990. № 1 (газ. патриотического объединения «Память», Новосибирск).
- ²⁰ Литературная Россия. 1990. № 9.
- ²¹ Литературная газета. 1990. № 41. С. 5.
- ²² Литературная газета. 1990. № 32; № 41.
- ²³ Правда. 4 июля 1990 г. С. 2.
- ²⁴ Литературная Россия. 1990. № 6. С. 6.
- ²⁵ Информационная программа «Время» Центрального телевидения. 20 августа 1990 г.

© 1991 г.

Р. Р. Рахимов

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В последние годы Среднеазиатская этнографическая экспедиция Ленинградской части Института этнографии АН СССР изучает проблемы традиционной и современной городской культуры Средней Азии. С этой целью исследования проводились в Самарканде (1987—1988 гг.) и Бухаре (1989 г.). Программа экспедиции охватывала значительный круг вопросов, в том числе межнациональные отношения. В настоящей статье рассматривается современное состояние узбекско-таджикских межнациональных и межязыковых отношений. В ней использованы результаты этносоциологических исследований, проведенных нами в указанных городах, записи бесед с местным населением, а также в городских и областных партийных и советских органах, наблюдения